

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОТИВА «ПРОТИВОЛЕЖАЩИЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ» В ОРНАМЕНТАЦИИ ИРМЕНСКОЙ ПОСУДЫ

Сергей Алексеевич Ковалевский

*Кузбасский государственный технический университет
им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

Резюме. Статья посвящена изучению роли мотива «противолежащие треугольники» в орнаментации керамики ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири. Показано, что этот орнаментальный мотив использовался преимущественно для декорирования зоны венчика ирменской ритуальной и поселенческой посуды, реже — зоны плечиков и тулова. Выявлены вариации использования мотива «противолежащие треугольники», применявшегося не только в классическом виде, но и для образования более сложных композиций. Выдвинуто предположение об андронидном (еловском) происхождении данного мотива, а также отмечено его появление уже в андроновской орнаментации. Сравнительный анализ ирменской орнаментации различных территорий распространения ирменской культурно-исторической общности показал более частое использование мотива «противолежащие треугольники» населением северо-восточной части ирменского мира. Этот мотив активно использовался также населением молчановской культуры Томско-Нарымского Приобья. Это может являться аргументом в пользу предположения о его местном, андронидном происхождении.

Ключевые слова: ирменская культурно-историческая общность, орнаментальный мотив, противолежащие треугольники, период поздней бронзы, могильники, поселения

Для цитирования: Ковалевский С.А. Использование мотива «противолежащие треугольники» в орнаментации ирменской посуды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2022. Вып. XXVIII. С. 254–261. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.36

THE USE OF THE “OPPOSITE TRIANGLES” MOTIVE IN THE ORNAMENTATION OF THE IRMEN UTENSILS

Sergey A. Kovalevsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article studies the role of the “opposite triangles” motive in the ornamentation of ceramics of the Irmen cultural and historical community of the South of Western Siberia. It is indicated that this ornamental motive was used primarily for decorating the crown zone of the Irmen ritual and settlements utensils, less often — the zone of shoulders and trunk. Variations have been identified in the use of the “opposite triangles” motive applied not only in classical form, and to form more complex compositions. The assumption about the andronoid (Elovo) origin of this motive is put forward and its appearance in the Andronian ornamentation is also noted. The comparative analysis of

the Irmen ornamentation of various territories of distribution of the Irmen cultural and historical community showed more frequent use of the “opposite triangles” motive by the population of the northeastern part of the Irmen world. This motif was also often used by the population of the Molchonovo culture of the Tomsk-Narym Ob region. This may be an argument in favor of the assumption of its local, andronoid origin.

Keywords: Irmen cultural and historical community, ornamental motif, opposite triangles, Late Bronze Age, burial grounds, settlements

For citation: Kovalevsky S.A. The Use of the “Opposite Triangles” Motive in the Ornamentation of the Irmen Utensils // Conservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai. 2022. Vol. XXVIII. Pp. 254–261. DOI: 10.14258/2411-1503.2022.28.36

Степень изученности памятников ирменской культурно-исторической общности, получившей распространение на территории юга Западной Сибири во 2-й половине II тыс. до н.э., является достаточно высокой. Одна из самых массовых категорий инвентаря — это керамика, часто встречающаяся как в погребально-поминальных памятниках, так и на поселениях. Данный факт позволяет использовать керамическую посуду для реконструкции культурно-исторических процессов в период поздней бронзы. Сложность заключается только в том, что, в отличие от ирменских могильников, материалы поселений вводятся в научный оборот специалистами выборочно. Массовый археологический материал редко публикуется. Есть лишь статистические данные по отдельным поселениям, которые и использовались нами в этом исследовании.

Цель данной работы заключается в том, чтобы изучить распространение в ирменской орнаментации мотива «противолежащие треугольники» (далее — ПТ), его вариативность. Затрагивается также вопрос о происхождении этого мотива.

Проведенное нами ранее изучение всей совокупности керамической посуды из ирменских могильников юга Западной Сибири (Ковалевский, 2010, с. 128–142) показало, что мотив ПТ в ирменской орнаментации использовался сравнительно редко. Несколько чаще наносился он в зоне венчика (3,5%) и единично — в зоне плечиков и тулова (0,6%). Столь же нечастое использование данного орнаментального мотива в целом стоит отметить и для поселенческой посуды.

Следует сказать, что мотив ПТ на ирменской керамике имеет различные варианты исполнения. Как правило, противолежащие треугольники в абсолютном большинстве случаев образовывали гладкий зигзаг, хотя известны единичные примеры смыкающихся треугольников, формирующих т.н. «паркетный орнамент» (табл.-7).

Вариативность исполнения мотива ПТ также проявлялась:

1. В характере штриховки противолежащих треугольников. Наиболее часто встречающейся разновидностью исполнения являются треугольники, заштрихованные наклонными прочерченными линиями, как без дополнительного оформления, так и содержавшие в углах отрисовки орнамента округлой или овальной формы (табл.-1–3).

Известны и другие варианты штриховки треугольников. Они могли украшаться оттисками гребенчатого штампа (табл.-16), «косой» сеткой (табл.-14, 15) или горизонтальными линиями (табл.-6, 7, 10-12).

2. *В декоративном обрамлении ведущего мотива.* Наиболее часто он дополнялся штрихованными поясами или рядами косых насечек (табл.-4-6, 8-10, 12, 16, 19). Единично — «елочным» орнаментом (табл.-13). Зафиксировано также сочетание данного мотива с другим, наиболее популярным в ирменской орнаментальной традиции мотивом, а именно треугольниками, соединенными вершинами. В качестве разделительной полосы здесь была использована «косая» сетка (табл.-20).

3. *В орнаментальном заполнении гладкого зигзага, расположенного между противоположащими треугольниками.* В качестве декора использовались оттиски орнамента округлой или овальной формы (табл.-19) либо одинарный зигзаг (табл.-5, 6). Разновидностью мотива ПТ можно считать композиционное построение с использованием лент двойного заштрихованного зигзага (табл.-17, 18), получившее также в литературе название «лестничного» орнамента.

Говоря о географии изучаемого мотива в период поздней бронзы, следует обратить внимание на его более высокую локализацию в восточной части ирменской культурно-исторической общности и почти полное отсутствие в западной. Речь, прежде всего, идет об отдельных памятниках Томского и Новосибирского Приобья, северо-восточного Присалаирья, нижнего Притомья и Мариинско-Ачинского лесостепного коридора. В меньшей степени это относится к памятникам Алтайского Приобья.

Мотив ПТ занимает значительное место в орнаментации керамики из ирменских некрополей Томского Приобья (около 17%). Прежде всего это относится Еловскому-II могильнику, в котором семь сосудов из 42 имели такой мотив (Матющенко, 2006, рис. 3.-2; 16.-5; 17.-11; 21.-9, 10; 22.-4; 27.-4). В самом северном ирменском могильнике Иштан один из четырех сосудов также имел подобную орнаментацию (Матющенко, 1984, рис. 1.-3).

О достаточно регулярном использовании мотива ПТ для декорирования ирменской посуды на территориях Томского Приобья, а также Нижнего Притомья наглядно свидетельствуют материалы поселений Басандайка, Потаповы Лужки, Томское, Самусь-3, Самусь-4, Батурино, Еловское, Чекист (Усть-Киргизка) (Матющенко, 1974, рис. 4.-3; 6.-1, 4; 7.-1; 8.-1; 14.-1; 15.-7, 10, 11; 31.-3; 42.-5-7; 43.-2; 44.-4; Косарев, 1981, рис. 68.-2, 4, 7, 9, 13; Васильев, 1994, рис. 3.-8; 1995, рис. 19.-2; 24.-7). Наиболее характерен данный мотив для орнаментации керамики поселения Люскус (16,9%), расположенного в южной части Нижнего Притомья (Бобров, 1979, рис. 14; рис. 16.-1, 7; рис. 18.-1, 3).

На территории, расположенной к востоку от нижнего Притомья, а именно Мариинско-Ачинской лесостепи, противолежащие треуголь-

ники встречены на ирменской посуде поселения Тамбар. Они украшали как зону венчика (7,41%), так и плечико-тулова (6%) (Членова, Бобров, 1991, рис. 4.-23; Бобров, 2002, с. 73–79).

Для ирменской керамики Новосибирского Приобья нами использовались данные, приведенные в монографии А.В. Матвеева (1993, с. 112–127). Согласно этим данным, мотив ПТ чаще всего использовался для орнаментации посуды поселения Красный Яр-1 (16%). Более редок этот орнамент на поселениях Батурино-1 и Быстровка-4 (везде по 8,7%), Ирмень-1 (4,3%), Умна-1 (3,8%). По данным, приведенным в статье Т.Н. Троицкой (1974, рис. 5), противоположащие треугольники встречаются на посуде ирменского поселения Камень-2, а также Завьяловского поселения. Кроме того, мотив ПТ зафиксирован в материалах поселений Милованово-3, Петушиха-1, Ельцовское-2, в могильнике Камень-1 (Novikova, 2002, abb. 14.-3; Севастьянова, 1972, рис. 2; Троицкая, 1989, рис. 17.-6; Новикова, 1993, рис. 15.-3; Новиков, Степаненко, 2010, рис. 9.-1).

В орнаментации керамической посуды ирменских погребально-поминальных памятников северо-восточного Присалаирья мотив ПТ занимал около 6% (Ковалевский, 2006, табл. 18, 20). В частности, речь идет о таких могильниках, как Иваново-Родионово, Пьяново, Журавлево-4, Заречное-1, Титовский, Танай-7. Интересно, что в отдельных случаях данный мотив здесь дублировался также и в зоне плечико-тулова. Зафиксирован изучаемый мотив и на поселениях Торопово-4 (3,6%) и Исток (3,3%) (Илюшин, Ковалевский, 2012, рис. 2.-8; 7.-22; 10.-55; 13.-38; 14.-64; 16.-84; 24.-278; 39А.-11; Бобров, 2010, с. 36).

Для посуды, происходящей из ирменских погребально-поминальных памятников Алтайского Приобья, мотив ПТ почти не характерен. Единично он зафиксирован только в могильниках Плотинная-1 и Камышенка-1. На поселенческой посуде этот мотив отмечен в материалах поселений Казенная Заимка-1, Заковряшино-1, Быково-3, Цыганкова Сопка-1, Енисейское (Шамшин, 2006, рис. 6.-3; Кирюшин, Шамшин, 1998, рис. 5.-1, 3; Шамшин, 1988, рис. 47.-15; 51.-9; 56.-10; 58.-14). Есть такой мотив и в Кулунде на поселении Жарково-3 (Папин, Степанова, Федорук, 2018, с. 23, рис. 3.-3).

Не известен мотив ПТ на ирменской керамике из погребально-поминальных памятников западных районов ирменской культурно-исторической общности. Лишь на территории лесостепного Прииртышья взаимопроникающие треугольники единично встречены в материалах Омской стоянки и поселения Надеждинка-IV/V (Косарев, 1981, рис. 67.-17; Татауров и др., 2011, с. 75, табл. 8).

Происхождение мотива ПТ восходит, вероятно, к нуртайско-атасуским древностям Центрального Казахстана. Непосредственно на территории юга Западной Сибири в период развитой бронзы данный мотив использовался андроновским населением, что наиболее ярко

представлено в материалах могильника Фирсово-14 (Погребальный обряд..., 2015, рис. 25.-1; 48.-1; 49.-1; 68.-1; 81.-1). В последующее время мотив ПТ, среди прочего, продолжал использоваться андронидными группами, преимущественно для украшения зон плечика и тулова.

Нам представляется, что появление данного мотива непосредственно в ирменской орнаментации следует связывать с еловской культурой (общностью). В этой связи показательно, что мотив ПТ был унаследован не только ирменским населением, проживавшим в лесостепной части Верхнего Приобья и Нижнего Притомья, а также прилегающих к ним районов, но и населением молчановской культуры, сложившейся в лесных районах Томско-Нарымского Приобья. В материалах Десятковского поселения, Остяцкой горы и Шайтанского городища этот мотив хорошо известен как в традиционном виде, так и в трансформированном, когда геометрические фигуры наносились уже фигурным штампом (Косарев, 1974, рис. 37.-1, 7-9, 18; 38.-2-4, 7, 8, 10, 13, 15, 18; 39.-3; 41.-3-5; 42.-2).

Вопрос о происхождении орнаментальных мотивов рассматривал в свое время В.И. Матющенко применительно к выделенной им еловско-ирменской культуре. «Паркетный мотив» по наблюдению исследователя имеет автохтонное для Западной Сибири происхождение и связывается им с самусьскими древностями (Матющенко, 1974, с. 129-130, табл. 10). Собственно же мотив ПТ восходит, по мнению специалиста, к орнаментации андроновской культуры (Матющенко, 1974, с. 139, табл. XII.-е).

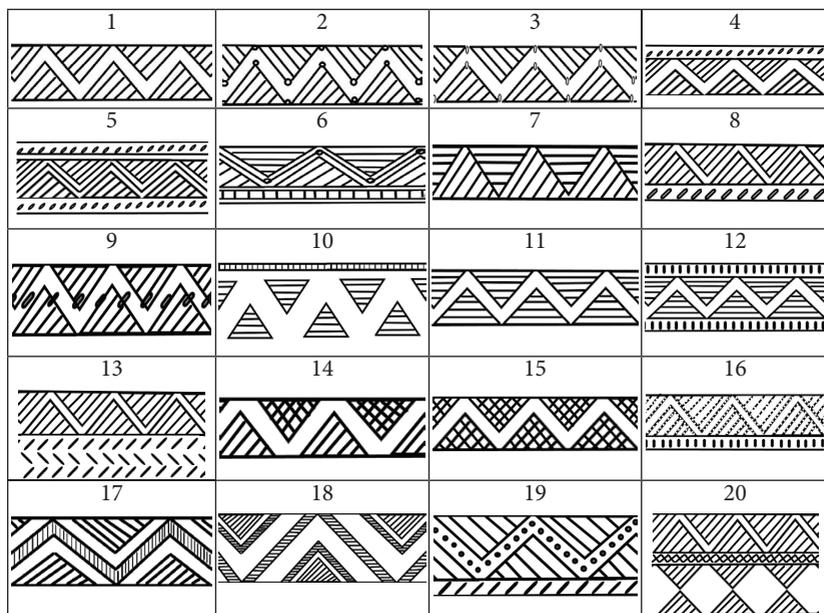
На собственно еловской посуде мотив ПТ достаточно часто украшал зоны плечика и тулова (см. напр.: Матющенко, 2001, рис. 4.-1; 11.-14; 22.-9; 2004, рис. 122.-6; 184.-3; 272.-2, 7; 284.-3; 287.-2, 5; 295.-3; 296.-4, 5; 311.-2; 312.-2; 313.-2; 318.-4; 362.-6; 377.-3; 385.-10; 395.-2; 408.-2; 1974, рис. 39.-5; 41.-6, 8, 9; 96.-2, 4; 99.-4; Косарев, 1981, рис. 56.-1, 3).

По наблюдению М.Ф. Косарева, появление данного мотива на еловской посуде, собственно, как и других мотивов, восходящих к андроновской орнаментации, произошло на позднем этапе развития еловской культуры. Специалистом было отмечено, что противоположные треугольники появляются в орнаментации третьей группы керамики Томско-Чулымского района, которую, которую исследователь называл позднееловской (Косарев, 1974, с. 48, 101-103).

Таким образом, мы можем констатировать, что:

1. Мотив ПТ занимал в орнаментации погребальной и поселенческой ирменской посуды достаточно скромное место. Он преимущественно использовался для украшения зоны венчика, но изредка его можно встретить и в зоне плечико-тулова.

2. Данный мотив демонстрирует большую вариативность, проявляющуюся в: а) характере штриховки треугольников, б) декоративном обрамлении ведущего мотива, в) в орнаментальном заполнении гладкого зигзага, расположенного между противоположными треугольниками.

Разновидности исполнения мотива «противолежащие треугольники»
на ирменской керамике:

- 1 — пос. Милованово-3, Люскус, Линево-1, Каменка-4, Быстровка-4, Ирмень-1, Жарково-3, Надеждинка-IV/V, Омская стоянка, Тамбар, мог. Камень-1, ЕК-2, Плотинная-1, Журавлево-4, Титовский, Танай-7, Иваново-Родионово, Заречное-1; 2 — пос. Люскус, Еловское, Чекист (Усть-Киргизка), Красный Яр-1, мог. ЕК-2, Титовский; 3 — пос. Тамбар, мог. ЕК-2, Заречное-1; 4 — пос. Томское, Самусь-4; 5 — пос. Чекист (Усть-Киргизка), мог. Плотинная-1; 6 — пос. Надеждинка-IV/V; 7 — пос. Чекист (Усть-Киргизка), мог. Плотинная-1; 8 — мог. ЕК-2; 9 — мог. Иштан; 10 — пос. Самусь-4, мог. ЕК-2; 11 — мог. Журавлево-4; 12 — мог. ЕК-2; 13 — мог. Иваново-Родионово, Пьяново, Журавлево-4; 14 — пос. Быково-3, Ельцовское-2; 15 — пос. Ельцовское-2, Десятовское, Чингис-1; 16 — мог. Камень-1; 17 — пос. Торопово-4, Куделька-2; 18 — мог. Титовский, Танай-1, Танай-7, Журавлево-4; 19 — пос. Тамбар; 20 — мог. Титовский
- Varieties of execution of the "opposing triangles" motif on Irmen ceramics:
1 — Milovanovo-3, Lyuskus, Linevo-1, Kamenka-4, Bystrovka-4, Irmen-1, Zharkovo-3, Nadezhdinka-IV/V, Omskaya, Tambar, Kamen-1, EK-2, Plotinnaya-1, Zhuravlevo-4, Titovsky, Tanai-7, Ivanovo-Rodionovo, Zarechnoye-1; 2 — Lyuskus, Elovskoye, Chekist (Ust-Kirgizka), Krasny Yar-1, EK-2, Titovsky; 3 — Tambar, EK-2, Zarechnoye-1; 4 — Tomskoe, Samus-4; 5 — Chekist (Ust-Kirghizka); 6 — Nadezhdinka-IV/V; 7 — Chekist (Ust-Kirghiz), Plotinnaya-1; 8 — EK-2; 9 — Ishtan; 10 — Samus-4, EK-2; 11 — Zhuravlevo-4; 12 — EK-2; 13 — Ivanovo-Rodionovo, Pyanovo, Zhuravlevo-4; 14 — Bykovo-3, Yeltsovskoye-2; 15 — Yeltsovskoye-2, Desyatovskoye, Genghis-1; 16 — Kamen-1; 17 — Toropovo-4, Kudelka-2; 18 — Titovsky, Tanai-1, Tanai-7, Zhuravlevo-4; 19 — Tambar; 20 — Titovsky

3. Мотив ПТ в основном использовался для украшения восточно-ирменской посуды. В наибольшей степени это относится к Томскому и Новосибирскому Приобью, нижнему Притомью, Мариинско-Ачинской лесостепи и северо-восточному Присалаирью.

4. Большинство памятников, на посуде которых отмечается присутствие мотива ПТ, помимо, собственно, ирменской керамики содержат артефакты андроновидной еловской либо (реже) молчановской культур.

5. Традиция украшения сосудов противоположными треугольниками в целом восходит к андроновскому времени. Однако в, собственно, ирменскую орнаментацию (и в значительной степени в молчановскую) мотив ПТ был, вероятно, привнесен из еловской культуры.

Список источников

Бобров В.В. Поселение на р. Люкус // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47–59.

Бобров В.В. Керамика ирменской культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Музей и наука: Материалы научно-практического семинара. Кемерово, 2002. С. 73–77.

Бобров В.В. Ирменский комплекс памятника Исток // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 30–39.

Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск. История и современность. Томск, 1994. С. 12–20.

Васильев Е.А. Отчет о раскопках поселения Чекист летом 1994 года // Архив ИА РАН. Р. I, №18847. Северск, 1995. 32 с.: ил.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Поселения эпохи поздней бронзы в окрестностях села Быково // Из истории мест Шелаболихинского района. Барнаул, 1998. С. 34–47.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины : 2-е изд., доп. и испр. Кемерово, 2006. 111 с.

Ковалевский С.А. Традиции орнаментации керамики из погребальных комплексов ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири (опыт сравнительного анализа) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 128–142.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 216 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Матющенко В.И. Могильник эпохи поздней бронзы у деревни Иштан на Оби // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 63–69.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. Омск, 2001. 62 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть третья. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск, 2006. 120 с.

Новиков А.В., Степаненко Д.В. Камень-1 — могильник ирменской культуры в южнотаежном Приобье // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 39–60.

Новикова О.И. Охранные работы на поселении Ельцовское-2 в 1992 году // Архив ИА РАН, Р-1, №17692. Новосибирск, 1993. 10 с.: ил.

Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов межкультурного взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №3 (42). С. 19–31.

Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV) / Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, С.С. Тур, А.С. Пилипенко, А.С. Федорук, О.А. Федорук, Я.В. Фролов. Барнаул, 2015. 208 с.

Севастьянова Э.А. Отчет о работе Обского охранного отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1972 году // Архив ИА РАН. Р-1, №5745. Новосибирск, 1972. 8 с.: ил.

Татауров В.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск, 2011. 196 с.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск, 1974. С. 32–46.

Троицкая Т.Н. Отчет о работе охранного отряда Новосибирской археологической экспедиции в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1, №13237. Новосибирск, 1989. 6 с.: ил.

Членова Н.Л., Бобров В.В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991. С. 143–180.

Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.): дис. ... канд. ист. наук. Приложение II. Кемерово, 1988.

Шамшин А.Б. Поселение Казенная Заимка в г. Барнауле и проблема взаимодействия ирменской и корчажкинской культур в Барнаульском Приобье // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006. С. 105–126.

Novikova O.I. Typologie, Entwicklung und relative Chronologie der Keramik aus der spatbronzezeitlichen Siedlung Milovanovo-3 // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur archaologie eurasiens. Band 8. 2002. S. 61–102.

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Алексеевич Ковалевский, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, заведующий кафедрой; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, доктор исторических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

Sergey A. Kovalevsky, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Head of Department; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennaya street. 28; doctor of history, associate professor, <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru